

СЛЕДУЮЩАЯ поездка Толстого в башкирские степи состоялась в июне 1878 года. Он приехал с сыновьями Ильей и Львом, губернатором Ныером и слугой Арбузовым, а через некоторое время туда приехала Софья Андреевна с остальными детьми и братом Степаном Берсом. Это было последнее лето, когда в самарском имении собралась вся семья Толстого. Лев Николаевич приобрел участок земли у соседнего хутора на реке Моче (ныне река Чапаевка), левом притоке Волги. Настроение у всех было хорошее, новизна, первоизданность степного окружения продолжали занимать Толстого. Он уделял много внимания сельскохозяйственным работам, вовлек в них и взрослых членов семьи.

Степан Берс вспоминал: «Мы принимали непосредственное участие в уборке хлеба; сами веяли и удивлялись на тамошний первобытный способ молотьбы. Он заключается в том,

обычно в дневнике «Ходил и ездил смотреть лошадей. Несносная забава. Праздность. Стыд».

Толстой жил в имении, на хуторе, что на реке Тананык, но частенько навещал своих знакомых башкир на Каралыке. Вскоре же по приезде на хутор он написал жене: «Нищета зимой здесь была ужасная; теперь видны следы голода. В тот день, как мы приехали, у Василия Ивановича в сенях, по его словам, умерла годовалая девочка. Он думал, что она в ночь умерла. Ее лечили, а главное — поили молоком, и она ожила. Мать девочки говорит, что у нее зимой умер с голоду десятилетний мальчик». Во всех деревнях была ужасающая бедность, «бедность робкая», сама себя не знающая.

Степи всегда привлекали внимание Толстого первобытной красотой, патриархальный уклад жизни народа также ему импонировал. На сей раз ему даже не хотелось ехать домой.

Толстой не порвал: до 1891 года сельским хозяйством в самарском имении занимался сын писателя Сергей Львович, а в голодный 1892 год сюда приехал биограф Толстого Павел Иванович Бирюков и другой сын Льва Николаевича — Лев Львович. По просьбе Толстого они организовали около двухсот столовых, в которых кормились десятки тысяч голодающих крестьян.

Известно, что Толстой получил много писем со всех концов России. Корреспондентами писателя были и жители Башкирии. Так, башкиры из деревни Муратшино (Акиров, Рахматуллин, Чирюбаев) просили Толстого одолжить им зерна для семян, и просьба их была удовлетворена. Весьма показательно также письмо уфимской девушки Зои Николаевны Безе от 15 февраля 1898 года. Она задавала писателю мучивший ее вопрос: «Что такое интеллигентный человек? Достаточно ли быть интеллигентным, чтобы быть полезным обществу?». По утверждению историка А. Н. Усманова, письмо это не осталось без ответа.

...Когда за антиправительственные и антиклерикальные убеждения Толстой был отлучен от церкви (24 февраля 1901 года), он получил много сочувственных писем и телеграмм, морально поддерживавших его. Прислали ему теплую телеграмму также башкиры и татары из Уфы.

Влияние Толстого на умонастроения общества, любовь и уважение к гениальному художнику слова среди читателей росли год от года. Многие поклонники его таланта искали личных встреч с писателем.

Встречались с Толстым в Ясной Поляне и башкиры. Так, газета «Волжский листок» в номере от 28 февраля 1899 года сообщала о том, что уфимец Арслангали Султанов, близкий друг видного башкирского ученого-просветителя Мухаметсалима Уметбаева, посетил Толстого, долго с ним беседовал и преподнес писателю в дар изготовленный башкирскими мастерами резной кумысный ковш, который, кстати, и ныне хранится в музее-усадьбе в Ясной Поляне. Писатель подарил Арслангали Султанову несколько своих книг.

Взаимоотношения Толстого с башкирами показывают, насколько глубокими и искренними были их уважение друг к другу. Великому человеку, любящему страстно помочь жителям степей...

Дружеское общение с башкирами обогащало творческое воображение писателя новыми впечатлениями, позволяло глубже узнать их нравы, обычаи, быт и историческое прошлое.

Богатые впечатления о башкирах, накопившиеся за время пребывания в их кочевьях, а также вахханалия расхищения башкирских земель и лесов дали Толстому материал для рассказов «Илья» и «Много ли человеку земли нужно». Башкирские мотивы встречаются и в ряде других произведений писателя. Поездки в Башкирию пробудили у Толстого интерес к недавнему прошлому этого края. Он долго вынашивал идею создания романа, местом действия которого должно было стать Оренбуржье (Башкирия до 1865 года входила в состав Оренбургской губернии): среди сюжетов художественных произведений, которые, судя по дневниковой записи от 12 марта 1895 года, Толстой хотел бы «докончить», упоминаются и «Переселенцы и башкиры».

...Толстой не без гордости говорил, что его «все башкиры знают и очень уважают». Он, разумеется, имел в виду только тех башкир, с которыми ему доводилось встречаться в его поездках; и речь шла прежде всего об уважительном отношении башкир к Толстому — человеку, «доброму барину», а не художнику. В 1910 году В. И. Ленин с горечью писал, что «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России». До революции мало кто из башкир знал творчество Толстого. В наше время, напротив, трудно найти человека, который бы не знал Толстого. Теперь башкиры, как и другие народы нашей многонациональной страны, имеют возможность читать бессмертные произведения Толстого на своем родном языке.

М. РАХИМКУЛОВ.

что из лошадей составлялся круг, причем они связывались в круг головой к хвосту; а в середине круга становился погонщик с длинным кнутом. Лошади пускались рысью и вытапывали зерно из снопов, разставленных в такой же круг... Мы ездили на базары нанимать жнецов, были также в Оренбурге на Меновом дворе для закупки скота и лошадей и в это лето вообще все вникали в новое хозяйство с большим интересом. В новом имении Лев Николаевич устроил конный завод. Он накопил около сотни башкирских маток и, рассчитывая на обилие их молока, скрещивал их с рысистой, верховой английской и другими породами, в надежде получить тип хороших лошадей».

К этому времени, к концу 70-х годов, относится идейный «перелом» Толстого, его переход на позиции патриархального крестьянства. Беспощадно обличая социальное неравенство, он вместе с тем выступил с проповедью непротравления злу насилием, надеясь объединить людей идеями любви и всепрощения. Единственно разумными средствами борьбы со злом Толстой считал его публичное обличение и пассивное неповиновение властям. Он возлагал надежды на нравственное усовершенствование личности и отвергал активную общественно-политическую борьбу, революционное преобразование социального уклада жизни.

Пересмотрев и беспощадно осудив и свою прошлую жизнь, и жизнь дворянства, к которому он принадлежал, Толстой, естественно, не мог не изменить своего отношения к самарскому имению. Его явно начинала тяготить и мучить положение богатого помещика, и он непрочь уже совсем ликвидировать это недавно созданное хозяйство, заниматься которым у него пропало всякое желание. Он перестает ежедневно бывать в своем имении, полагаясь во всем на управляющего, а после 1878 года он посетил его всего два раза — в 1881 и 1883 годах.

Летом 1881 года Толстой с сыном Сергеем провел в имении около месяца. И уже в эту поездку у него возникла мысль о постепенном свертывании заволжского хозяйства. Он мало занимается им, оно его не радует. Сопоставление контрастов между богатством и бедностью оставляет у писателя удручающее впечатление, так как частную собственность он считает несправедливостью. 16 июля 1881 года Толстой запи-

лшь по настоянию жены в середине августа Лев Николаевич вернулся в Ясную Поляну.

Последняя, десятая по счету, поездка Толстого к башкирам относится к 1883 году. Тогда он около месяца прожил в хуторе на Тананыке, навещая и своих знакомых на Каралыке. Он по-прежнему с удовольствием пил кумыс, но настроение у него было плохое. Хозяйственные заботы явно тяготили его, и он тоскливо вспоминал о своих первых поездках сюда, когда еще не было хутора. Не симпатизировал Толстой и гостям А. А. Бибику, управляющего имением, которые были участниками революционного движения 70-х годов. Но Лазарев и Степанов, причисленные к «процессу 193-х», вызвали у него явный интерес. Совместная трехнедельная жизнь с этими людьми, веселые пирушки, поездки в башкирские кочевья сблизили Толстого с ними, особенно с Лазаревым. 8 июня 1883 года он писал Софье Андреевне из самарского хутора: «Кроме всех жителей, здесь наехали еще гости к Бибику: два человека, бывшие в процессе 193-х, и вот последние дни я подолгу с ними беседую. Я знаю, что им этого хочется, и думаю, что не имею права удаляться от них. Может быть, им полезно. А мне тяжелы эти разговоры. Это люди, подобные Бибику и Василию Ивановичу, не моложе. Один особенно, крестьянин (крепостной бывший) Лазарев, очень интересен. Образован, умен, искренен, горяч и совсем мужик — и говорю, и привычкой работать. Он живет с двумя братьями, мужиками, пашет и жнет, и работает на общей мельнице. Разговоры, разумеется, вечно одни — о насилии. Им хочется отстоять право насилия, я показываю им, что это безразлично и глупо...».

Тяготясь положением собственника, Толстой продает скот, а землю сдает крестьянам в аренду: при ликвидации хутора ему приходилось учитывать материальные интересы большой семьи и как-то считаться с женой, которая совершенно не разделяла его новых взглядов. Это сильно удручало Толстого.

Лев Николаевич предчувствовал, очевидно, что не сможет больше вернуться в полубашкирскую степь, поэтому в 1883 году он сделал краткие записи картин природы и наблюдений над жизнью башкир. Эти записи были использованы им в художественных произведениях, отразивших быт и нравы башкирского народа. Однако связей с башкирами